

А. А. Гусейнов. Об Александре Зиновьеве и его социологии⁶

Ничто не дается людям так тяжело, как правда о самих себе. В свое время люди были глубоко потрясены и возмущены открытием Коперника. Они не хотели допустить, что *их* Земля — не центр мироздания, а его периферия, всего лишь одна из многих затерявшихся во Вселенной планет. Точно так же они реагировали на учение Дарвина. Утверждение, что человек произошел от обезьяны, они восприняли как недопустимое оскорбление. В этом же ряду находится социология Зиновьева, которая поставила людей перед необходимостью признать еще одну неприятную правду — правду об обществе. В самом общем виде ее можно сформулировать так: все то, что люди громогласно отвергают как мерзость — эгоизм, ложь, бездушие, подсиживание, карьеризм и т. п., на самом деле является нормой их жизни в качестве социальных индивидов, естественным следствием законов социальности. Эту истину, которая полностью переворачивает все привычные представления об обществе и лишает человека последних иллюзий о себе, люди

⁶ Предисловие к книге А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу». М., 2000, заметки в журнале «Новая Россия» № 1 (1996 г.); № 4 (1997 г.).

готовы принять еще меньше, чем истины Коперника и Дарвина. Она особенно раздражает своей очевидностью. И потому отрицается с порога (такая реакция, впрочем, предполагается отвергаемой социологической теорией и тем самым лишь подтверждает ее).

После Коперника у людей оставалось то утешение, что по крайней мере на самой Земле они занимают исключительно привилегированное положение. После Дарвина они могли сказать: зато мы создали надприродное, разумно организованное пространство совместной жизни. Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда — и отношение к нему. Странников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его замалчивают.

* * *

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году в Костромской области в многодетной крестьянской семье. По окончании школы он в 1939 году поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории — основной гуманитарный вуз университетского типа в те годы), который, по его свидетельству, он вынужден был бросить, так как стало известно о вынашиваемых им заговорщических замыслах, имевших целью убийство Сталина (этот эпизод в литературно прикрытой форме описан в повести «Искушение»). От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 году где и прослужил до 1946 года. А. А. Зиновьев прошел всю войну в качестве боевого летчика и закончил ее в 1945 году в Берлине в чине капитана. В 1946—1954 годы он — студент, а затем аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1955 году он становится научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал до 1976 года. Академическая карьера А. А. Зиновьева складывается удачно. Уже его кандидатская диссертация, посвященная логике «Капитала» К. Маркса (1954 г.) получила широкий резонанс. На основании личных воспоминаний могу сказать, что во второй половине 50-х годов для нас, студентов философского факультета МГУ им. Ломоносова, имя А. А. Зиновьева наряду с именами Э. В. Ильенкова и некоторыми другими было символом новых идей, борьбы против догматизма. В 1960 году А. А. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в Московском государственном университете им. Ломоносова. В рамках философии А. А. Зиновьев занимался самой трудной и строгой ее частью — логикой. Он применяет средства логики к анализу языка науки, разрабатывает собственную логическую теорию. Результаты его логических исследований опубликованы в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972). Логика — строго профессионализируемая область знания, и о ней могут компетентно судить только узкие специалисты. Поскольку я к таковым не принадлежу, то ограничусь констатацией того, что А. А. Зиновьев в логике и методологии науки достиг успехов, высоко оцененных в профессиональной среде, получивших международное признание. Из шести его монографий тех лет пять тут же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий, а «Комплексная логика» — сразу на оба языка, и изданы на Западе — явление исключительное как в те годы, так и в наши дни. Я лично знаю многих активно работающих, имеющих имя отечественных и зарубежных профессоров в области логики, которые считают себя и гордятся тем, что являются учениками А. А. Зиновьева.

В 1976 году произошло событие, обозначившее новое направление интеллектуальных усилий А. А. Зиновьева и круто изменившее его жизнь. Он неожиданно для всех выступил с книгой «Зияющие высоты», представлявшей собой выполненное в художественной форме кри-

тическое исследование советского социального строя; все понимали, что за жизнью и нравами вымышленного Ибанска подразумевался совсем не вымышленный советский строй. Она была опубликована «там», на Западе. Этот факт решающим образом предопределил общественное восприятие книги. На нее стали смотреть сквозь призму эпохального противостояния коммунистической и антикоммунистической идеологий. А. А. Зиновьеву отвели роль антикоммуниста, со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен (причем единогласно) из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. О характере созданной вокруг него атмосферы может свидетельствовать такой факт: даже простые библиографические ссылки на его логические работы становились источником партийных и служебных наказаний. Его запрещалось даже ругать. Все было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека. Можно ли было придумать более наглядное доказательство правдивости «Зияющих высот»? И тем не менее есть ли достаточно оснований автора этой книги считать антикоммунистом, имея в виду, что под коммунизмом понимается реально существовавший в Советском Союзе социальный строй? Я думаю, что это так же неверно, как неверно было бы, например, Гоголя как автора «Мертвых душ» считать русофобом. В данном случае, на мой взгляд, более прав близко знавший в те годы А. А. Зиновьева и изображенную им среду социолог Б. А. Грушин, когда он в одной из злых (по отношению к Зиновьеву) газетных публикаций сказал, что действительными борцами с коммунизмом и советской властью были такие люди, как профессор Ю. А. Замошкин и его друзья, а не Зиновьев, который в их кругу был человеком случайным и чужеродным. Именно об этом, по сути дела, и все «Зияющие высоты», в которых являющаяся предметом сатиры передовая интеллигенция Ибанска духовно вся устремлена на Запад и в своем кругу поднимает тост за то, «чтобы Ибанск последовал этому примеру», в то время как противостоящий им Болтун (одна из многих авторских ипостасей) говорит, что не мыслит себе жизни вне Ибанска. Грех или лавры (кому как нравится) антикоммуниста присуждены А. А. Зиновьеву по ошибке. Справедливость требует признать, что сам он никогда, ни раньше, ни теперь, не соглашался и не соглашается с такой оценкой своей личности и позиции. Но как бы то ни было, репрессиям как антикоммуниста и антисоветчика подвергли именно его, и если это случилось за чужие грехи, то их следует признать вдвойне несправедливыми.

С 1978 года начинается эмигрантская жизнь А. А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все эти годы он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом, не имея постоянного места работы и источника доходов. В 1980 году выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», излагавший основы разработанной им теории реального коммунизма и охарактеризованный известным социологом и советологом Раимоном Ароном как единственная действительно научная работа о советском обществе. Одновременно с этим появляется огромное количество научных и публицистических статей, докладов, интервью, излагающих, уточняющих и развивающих его теоретические и социальные позиции; они лишь отчасти опубликованы в сборниках «Без иллюзий» (1979); «Мы и Запад» (1981); «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983). Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательную серию социологических романов и повестей того периода: «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979); «Желтый дом» в 2-х томах (1980); «Гомо советикус» (1982); «Пара беллум» (1982); «Нашей юности полет» (1983); «Иди на Голгофу» (1985); «Живи» (1989). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах» — в свойственной ему художественно-сатирической манере исследует советский социальный и человеческий опыт.

А. А. Зиновьев своим творчеством создал новый жанр *социологического романа* (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние в свою очередь применяются как средства

науки. Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории, и тогда, когда ее не находили в готовом виде, они пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные художественные произведения. Типичные примеры этого: философско-историческая концепция Л. Н. Толстого в IV томе «Войны и мира», концепция свободы («Легенда о великом инквизиторе») в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, эссе о творчестве Н. Г. Чернышевского в «Даре» В. Д. Набокова. Во всех этих случаях теоретические части искусственно вкраплены, по сути дела просто приложены к художественным текстам и могут быть изъяты без особого ущерба для последних. А. А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально-личностный аспект жизнедеятельности, а с другой, изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социально-закономерной обусловленности. Социологический роман — знаменательное явление культуры, требующее специального изучения.

После 1985 года начинается новый период в творчестве А. А. Зиновьева. На горбачевскую перестройку он откликнулся тем, что расширил исследовательскую тематику, обратившись к изучению современного Запада, и одновременно с этим изменил акценты и тональность в описании и оценке советского коммунизма. Свой уникальный талант социального сатирика он теперь направил в сторону Запада, а при анализе советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Все началось с того, что А. А. Зиновьев с самого начала обозначил свое резко отрицательное отношение к перестройке, которую он тут же окрестил катастрофой. Следует обратить внимание: он сделал это тогда, когда и в Советском Союзе, и на Западе, во всем мире перестройка воспринималась как долгожданная эпоха гуманистического обновления социализма, когда едва ли не все ученые, писатели, философы, деятели культуры, артисты, журналисты, прочие известные люди через бесчисленные средства массовой информации в состоянии всеобщей эйфории приветствовали перестройку, когда миллионы людей в нашей стране и во многих других пришли в состояние радостного возбуждения — ходили на митинги, спорили, строили планы, лихорадочно что-то делали. Чтобы пойти против такого потока, недостаточно одного мужества. Надо еще иметь знание истины. И, как показал опыт, к сожалению, подтвердивший все печальные прогнозы Зиновьева, он имел такое знание. Его позиция, если ее выразить предельно кратко, состояла в следующем. Кризис, в котором оказался к середине 80-х годов Советский Союз, есть специфический кризис коммунистической системы, кризис управления. Он требует своих особых средств разрешения. Экономическая реформа и либерализация для этих целей не подходят, они являются сугубо западными методами и могут привести лишь к краху советского социального строя, а вместе с ним и к краху страны. Чтобы обосновать эту свою позицию, он, с одной стороны, провел исследование эволюции социальной системы современного Запада. Его результаты опубликованы в изданных теперь уже в Москве работах «Запад» (1995) и «Глобальный человек» (1997). Первая из них написана в форме научного эссе, а вторая представляет собой социологический роман и удачно его издателем Л. И. Грековым была названа «Зияющими высотами капитализма». И для существа дела, и для биографии А. А. Зиновьева показательны, что его работы, критически анализирующие и разоблачающие советский коммунизм, впервые появились на Западе, а работы, посвященные исследованию и критике Запада — в России. С другой стороны, А. А. Зиновьев стал показывать скрытые угрозы и неадекватность методов перестройки, выявляя одновременно с этим огромный для истории России, по его мнению, ничем незаменимый потенциал коммунистической системы. Об этом — его многочисленные работы этих лет: «Горбачевизм» (1988), «Катастрофка» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994). А. А. Зиновьев свою позицию также активно заявлял в многочисленных научных и публицис-

тических статьях, интервью, выступлениях на радио и телевидении, которые лишь отчасти собраны в настоящем сборнике.

Перестройка, как бы ее ни ругал А. А. Зиновьев, имела, по крайней мере, одну положительную сторону, которую не может отрицать даже он. Она дала возможность ему вернуться на Родину, в Россию, хотя, правда, уже и в другую Россию, чем та, которую он покинул. Если выдворение А. А. Зиновьева из страны государство взяло целиком на себя, то его возвращение оно интерпретировало как его личное дело, ограничившись официальным актом восстановления в гражданстве (1990). А. А. Зиновьев, как показывает опыт, — человек, который умеет писать книги, но не умеет устраиваться в жизни. И ему понадобилось много лет, чтобы создать практические предпосылки для возвращения. В июне 1999 года А. А. Зиновьев вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву. Начинается новый этап его жизни и творчества.

Такова биография А. А. Зиновьева в ее самом общем внешнем, событийном аспекте (хочу обратить внимание, что речь идет именно об общих контурах его биографии, так как многие факты, аспекты жизни, труды остались за скобкой, неизвестны, плохо изучены, и об общих контурах его деятельности только как ученого и отчасти писателя в своих заметках я не касаюсь его поэзии, драматургии, изобразительного искусства). Что касается ее внутреннего, психологического, личностного аспекта, то он отражен в литературных произведениях автора, в которых под тем или иным именем, часто под многими, он выводит самого себя, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Отмечу только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: я сам есть целое государство. Все видят эпатажную дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против расхожего суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А. А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что только обретя такую независимость человек становится Человеком. Речь идет не о независимости пренебрегающего общественными условностями циника, или все себе подчиняющего хозяина жизни, или спрятавшегося в свой уютный изолированный мирок мещанина, или увлеченного собиранием бабочек чудика и т. п. Его независимость есть независимость бунтаря, который не хочет признавать над собой ничьей власти и меньше всего — власть общественного мнения, и независимость идеалиста, который заново, по своим образцам, перепроектировал мир и живет по этим новым канонам, по которым, собственно, никто другой и не может жить, так как это — его мир, его выдумка; поэтому, между прочим, утверждение А. А. Зиновьева можно обернуть и сказать, что в его государстве есть только один гражданин — он сам.

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, грязью, вшами, стукачами и т. п., и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является лицемерным прикрытием первого. Зиновьев, лучше чем кто-либо другой, понимает, что утопия коммунистической идеологии имела мало общего с реализовавшейся утопией советской действительности. Но если общество нельзя переделать в духе утопии, то это вовсе не означает, что и отдельный индивид не может сделать этого. Для его позиции (в смысле внутренней интенции, настроения), на мой взгляд, показателен следующий стих Клеветника из «Зияющих высот»:

Пускай дневальный снова закричит: «Подъем!»
Пусть старшина, как прежде, закричит: Вставайте. Разгильдяи!
Пусть будет шагом марш. Пусть с места «Бронепоезд» запоем,
Пусть даже будет, чтобы в нас со всех сторон стреляли.
До слез обидно. Но не оттого, что жрали мы говно.

И не из-за того, что матерей своих пришлось забыть давно,
Что бесконечно темными бессонными ночами
Беседы сокровенные за жизнь вели мы со стукачами.
И не из-за того, что первую любовь с блядьми мы делили.
Обидно потому, что все осталось так, как будто мы не жили.
Как будто не клялись мы: погодите, мы придем
И в хвост и в гриву всех Их разобьем.
Мы Им покажем, где зимуют раки.
Мы влепим Им сполна за Их дела и враки.
Ах если бы опять дневальный закричал: «Подъем!»
И старшина спросонья заревел: «Живее, раздолбай!»
Тогда бы мы... Тогда мы снова «Бронепоезд» пропоем.
К Их старым мерзостям еще свои добавим.

Еще Зиновьев называет себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек как он, считает Зиновьев, не может сложиться естественным образом. А в одном из романов («Глобальном человекинике») он появляется в образе инопланетянина. В «Зияющих высотах» он, помимо Болтуна, является еще Крикуном, Шизофреником, Неврастеником, Уклонистом, Учителем. Зиновьев — парадоксалист и большой острослов. Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него (в «Русском эксперименте»), что он вообще не умеет шутить. И я ему склонен верить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натываются высокие стремления, что и составляет основу комикса, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. Он не умеет шутить в том смысле, что для него нет ничего более серьезного, чем шутка. В его шутках нет ничего шутивого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это — самое серьезное, более того: научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества. Здесь, может быть, уместна аналогия с С. Паркинсоном, «Законы Паркинсона» которого почему-то все воспринимают как английский юмор, а не точный и глубокий анализ бюрократического механизма.

Больше и чаще всего, и прямо и косвенно, через литературные образы, А. А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться аристотелевским принципом «Платон мне — друг, но истина дороже». Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, я бы сказал, что он верит в истину.

* * *

Книга А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу» в систематической форме излагает оригинальную социологическую теорию автора. Она является итоговой по отношению ко всем его предшествующим исследованиям в этой области. Зиновьевым впервые рассмотрены методологические и логические основы его социологии, окончательно оформляется категориальный аппарат, позволяющий охватить ход истории в целом, обобщенно суммируются, уточняются и развиваются теория реального коммунизма, теория западнизма, современные тенденции развития человечества.

Изложить взгляды Зиновьева популярней и короче, чем это сделал он сам в данной книге, невозможно. Его текст является предельно ясным, точным и очень популярным (кстати заметить, одно из требований отстаиваемого им научного подхода и состоит в том, чтобы «сделать

тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний» — с. 34); он популярен в том же смысле, в каком можно считать популярной, например, таблицу умножения. Одновременно с этим он настолько краток, экономичен и лишен беллетристичности, что в этом отношении, на мой взгляд, достигнут максимум возможного. Поэтому, представляя книгу читателю, я ограничусь некоторыми идеями, с моей точки зрения, наиболее неожиданными и потому особенно важными для осуществления того «поворота мозгов», которого требует и на который нацеливает социология Зиновьева.

Начнем с самого понятия «поворота мозгов». Еще в «Зияющих высотах» высказана мысль, что социальные законы порождают тенденцию к одноплановой ориентации сознания и «возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении» («Зияющие высоты». Кн. I, М., 1990, с. 34). Для научного взгляда на социальную жизнь необходимо вырваться из этого силового поля. Чтобы понять социальные законы, надо взглянуть на них со стороны, не изнутри, а извне, не жить в них и ими, а подойти к ним так, как если бы человек от них не зависел. Нужно освободить свой взгляд от давления авторитетов, общепринятых мнений, модных идей, различных идолов, бесчисленных словесных ухищрений, предназначенных для обмана и самообмана, страха, стыда, советов благоразумия и многого-многого другого, чтобы научиться прямо смотреть на социальную действительность, увидеть ее в неприглядном (неприукрашенном) виде. Прежде всего необходимо вырваться из сетей «интеллигентски-обывательского способа мышления», который стремление к ясности и истине подменяет желанием произвести впечатление, создать видимость знания. Надо встать на позиции того наивного мальчика из сказки Андерсена, который не знал придворного этикета и сказал то, что все скрывали: что король — голый.

Устраиваться в обществе и понимать его — разные, даже противоположные виды деятельности. Если для первого нужно быть внутри, жить соответственным интересом, уметь защитить себя, стремиться к лучшей позиции и т. д., то для второго, напротив, требуется вырваться во вне, занять такую независимую позицию, словно ты не член данного общества, а инопланетянин, с любопытством разглядывающий это странное скопление странных существ. Известно, что человек видит то, что он хочет видеть. Научный подход, напротив, состоит в том, чтобы освободить взгляд от этого привходящего и искажающего «хочет», чтобы «хотеть» то, что видишь. Такую смену диспозиции по отношению к социальной действительности, изменение точки ее обзора Зиновьев называет научным «поворотом мозгов» и в своей логической социологии он формулирует те принципы, которые для этого необходимы.

Один из этих принципов состоит в экспликации понятий — особой, им же самим впервые описанной и сознательно примененной логической процедуре, имеющей целью добиться определенности и однозначности терминологии в социальном познании. Все основные описывающие социальную реальность понятия, такие как «общество», «государство», «экономика», «власть», «культура» и т. д., являются многозначными, расплывчатыми. Существуют десятки и сотни их определений. Уже по одной только этой причине, не говоря о всех других, рассуждения с употреблением этих понятий оказываются приблизительными, а то и вовсе превращаются в сплошной обман. Экспликация состоит не в том, чтобы перечислить все значения и выбрать какое-то одно для словоупотребления (подобрать объект для слова), а в том, чтобы «выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторых более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина» (с. 32). При этом существенно важно, что в качестве термина используется старое многомысленное, расплывчатое выражение; тем самым подчеркивается, что речь идет о новом понимании тех же самых объектов, к которым в той или иной степени относятся привычные слова. Ведь объект познания ученого-социолога обладает сознанием, разумом и в этом смысле

сам является познающим, поэтому он не может открыть чего-то, что не было бы вообще известно объектам его интереса — людям, он может лишь по-новому взглянуть на это, «вернуть мозги». «В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать — уже имеется интуитивное представление о предмете» (с. 33). Поэтому основная трудность социального исследования, как пишет далее Зиновьев, состоит в том, чтобы «увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений» (с. 33).

Самым известным и до настоящего времени обескураживающим многих (прежде всего среди марксистов) примером этого логического приема является введение Зиновьевым термина «коммунизм» как экспликата этого слова в обыденной речи, когда он стал называть коммунизмом реальный социальный строй, классической (наиболее развитой) формой которого была советская система. В тридцатые годы И. В. Сталин объявил, что в СССР построен социализм. Тем самым он соединил понятие социализма с реальностью советского общества. На первый взгляд, он сделал то же самое, что и Зиновьев (в данном случае от различия между социализмом и коммунизмом можно отвлечься, тем более, что сам Зиновьев считает это различие бессмысленным). Но только на первый взгляд. В действительности здесь наблюдается диаметрально противоположный ход мыслей, показывающий различие между идеологией и наукой. Сталин полагал, что коммунизм (на его первой фазе) осуществился в Советском Союзе и тем самым распорядился именовать социальную реальность СССР коммунизмом и смотреть на нее сквозь призму уже существующих представлений о коммунизме. Так возникает идеология о самом счастливом обществе. Зиновьев говорит нечто совершенно иное: то, что осуществилось в Советском Союзе, и есть коммунизм, и другого коммунизма не бывает. Тем самым он ориентирует на то, чтобы строить теорию коммунизма как социальную теорию советского общественного опыта, вместо того, чтобы смотреть на этот опыт сквозь розово-утопические очки выдуманного коммунизма. Другой тоже очень показательный пример экспликации связан с понятием общества. Это слово, которое в разговорном языке имеет много смыслов, он употребляет как термин, обозначающий определенную стадию (этап, форму) социальной жизни людей со своими строгими признаками (наличие государства как формы политической власти, экономики как формы хозяйствования, идеологии как формы коллективного менталитета и т. д.). Такая экспликация очень важна для того, чтобы правильно понять историчность человеческой жизни и строго обозначить ту смену ее качественных состояний, которая происходит на наших глазах.

Центральным в социологических взглядах Зиновьева является, пожалуй, идея законов социальности. Объектом его изучения (социальными объектами) являются люди и их объединения; при этом люди рассматриваются не во всем многообразии их свойств, каковых очень много, а только в тех проявлениях, которые вытекают из факта их принадлежности социальным объединениям. Такое ограничение объекта исследования является, разумеется, идеализацией, ибо в реальности ни таких чистых социальных индивидов, ни их объединений не существует; живые люди характеризуются не только тем, что они являются членами объединений, у них есть масса других, биологических, психологических и иных свойств. Но это — вполне законная и совершенно необходимая идеализация. Социальные индивиды и их объединения в этом отношении не менее реальны, чем точки, линии и фигуры в геометрии.

Жизнь индивидов, поскольку они принадлежат человеческому объединению и действуют в его рамках, как и жизнь самих объединений, представляющих собой множество индивидов, протекают по строгим законам. Прежде всего (это самый важный и необходимый признак) возникает разделение множества людей на «мозг» и «тело», на начальников, управляющих и подчиненных, управляемых. Происходит разделение функций, возникают органы для их выполнения, отношения между ними регулируются законом взаимной адекватности. Имеет мес-

то также дальнейшее, все нарастающее усложнение жизни объединения, охватывающее как вертикаль, так и горизонталь отношений. Объединения людей приобретают особое качество и называются человеичниками, если они а) живут совместно исторической жизнью (из поколения в поколение); б) действуют как целое; в) имеют внутри себя сложное строение с разделением функций; г) занимают определенную территорию и относительно автономны во внутренней жизни; д) обладают внутренней и внешней идентификацией.

Термин «човеичник» вызывает ассоциацию с муравейником. Это — больше, чем ассоциация, она сыграла решающую роль в выборе термина, ибо, по мнению автора, стада и стаи животных в эволюционной классификации предшествуют человеичникам; в «Зияющих высотах», например, фигурируют два трактата — трактат об обществе и трактат о крысах, которые удивительным образом совпадают. В этом смысле теорию Зиновьева можно было бы назвать не только социомеханикой, но еще и социозоологией. Так как людей в человеичнике много и они вынуждены вступать в отношения друг с другом просто из-за того единственного факта, что их много, то они действуют в силу социальных законов, которые автор называет законами экзистенциального эгоизма. Это — такие законы, которые заставляют социального индивида действовать исходя из его собственной социальной позиции, чтобы сохранить ее, по возможности умножить или занять более высокую позицию. Действовать в своих интересах внутри человеичника и в интересах своего человеичника в отношениях с другими человеичниками — такова основа социальности. Так как люди в социальном поведении действуют сознательно, то законы экзистенциального эгоизма выступают в виде законов рационального расчета. Речь идет, если говорить кратко, об осознанном эгоистическом интересе.

В качестве иллюстрации социальных законов Зиновьев часто ссылается на такой пример: если человеку предложить на выбор две работы, из которых одна оплачивается выше, чем другая, то при всех прочих равных условиях он непременно выберет ту, за которую платят больше. Это правило есть следствие законов социальности и действует с такой же неотвратимостью, с какой, например, выпавший из руки предмет падает на землю. В реальности, конечно, не бывает лабораторных условий, предполагаемых этим правилом; помимо величины платы есть масса других факторов, которые учитываются индивидами при выборе работы и очень часто они выбирают менее оплачиваемую работу. Но это не отменяет само правило в его непререкаемости. Правило не говорит о том, что человек всегда выбирает работу с более высокой платой. Оно говорит о том, что такой выбор неотвратимо совершается только при определенных условиях, а именно при равенстве всех других факторов, влияющих на выбор, или отсутствия таких факторов. Это правило можно было бы разбить на следующие два: если индивид предпочитает менее оплачиваемую работу более оплачиваемой, то это он делает не потому, что она является менее оплачиваемой; если индивид предпочитает более оплачиваемую работу менее оплачиваемой, то это он может делать только по той причине, что она является более оплачиваемой. В данном случае механизм действия социального закона является таким же, как и механизм действия любого естественно-научного закона; например, тело сохраняет равномерное прямолинейное движение, если на него не действует никакое сопротивление; однако известно, что сопротивление есть всегда и в этом смысле никакое эмпирическое тело равномерно не движется.

Законы социальности не следует путать с нормами морали, права и другими сознательно задаваемыми регулятивами поведения. Последние выработаны людьми как средства защиты от законов социальности, от самих себя. Разумеется, эффективность этой защиты является относительной, ибо мораль и связанная с ней совокупность разнообразных правил может лишь в какой-то мере смягчить, нейтрализовать следствия законов социальности, но не отменить их действие. Более того, они сами могут стать моментом действия социальных законов. Такова в общих чертах концепция социальности Зиновьева. Его предшественниками в этом вопросе

(предшественниками не в смысле прямой преемственности, а в смысле идейных ассоциаций), на мой взгляд, можно было бы считать Макиавелли с его трезвым анализом искусства государственного правления, Гоббса с гипотезой о естественном состоянии войны всех против всех как исходном пункте и постоянной основе государственно организованного социума, Мандевилля с его «Басней о пчелах» и выраженной в ней мыслью о том, что общее благо складывается из частных зол.

В человеичике Зиновьев различает три аспекта: деловой, коммунальный и менталитетный. Это различие (наряду с различием между «мозгом» и «телом» человеичика) является своего рода несущей конструкцией его теории. Первый аспект охватывает действия людей и формы их организации, направленные на обеспечение средств существования, создание материальной культуры. «Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться» (с. 127). Третий аспект охватывает то, что касается сознания (психики, менталитета) человека. Это — аспекты человеичика, но не его части; они всегда существуют в единстве, хотя характер единства может быть различным и колебаться от слияния до достаточно четко дифференцированного, почти автономного функционирования. Зиновьев высказывается против того, чтобы в рамках социологической теории выдвигать какой-то фактор в качестве определяющего, критикуя, в частности, марксизм за преувеличение роли производства материальных благ. Это же, видимо, касается и различных аспектов жизни человеичика. И тем не менее складывается впечатление, что в авторской концепции удельный вес коммунального аспекта значительно выше удельного веса двух других аспектов. Так, законы социальности реально функционируют как правила коммунального поведения. И оба других аспекта становятся объектом социологии в той мере, в какой они вовлекаются в сферу коммунальности.

Человеичик в процессе эволюции, считает А. А. Зиновьев, проходит три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Если апеллировать к привычным ассоциациям, то предобщество соответствует тому, что в марксистской теоретической схеме именовалось первобытно-общинным строем; общество — государственно-цивилизационным формам жизни (рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациям), сверхобщество — коммунизму.

Состояние человеичика в XX веке характеризуется тем, что осуществляется переход от общества к сверхобществу. Этот переход протекал в двух эволюционных линиях и в ожесточенной борьбе обществ, представлявших эти линии. Обе эти линии сложились в рамках западно-европейской цивилизации, которая уникальна (и в этом смысле отлична от других цивилизаций) в том отношении, что она способна к смене собственных качественных состояний; «она убивает сама себя и делает это на пути баснословного прогресса» (с. 278). Одна линия была представлена человеичиками коммунистического типа и наиболее цельно воплотилась в Советском Союзе, ее особенность состояла в том, что она опиралась по преимуществу на коммунальный аспект жизнедеятельности. Вторая линия, именуемая в книге западнискской, воплотилась в наиболее «чистом» виде в США, странах Западной Европы, в ней преимущественное развитие получил деловой аспект жизнедеятельности человеичика. «Западный и коммунистический миры стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидера мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине» (с. 279). В этой борьбе победил Запад, блестяще выиграв холодную войну против советского блока. Вопрос о том, является ли эта победа окончательной, автор в целом пока еще оставляет открытым, хотя и признает, что Россия из игры выбыла и деградировала до уровня колониальной демократии. Неизвестно, становится ли благодаря этому переход к сверхобществу более ускоренным, но зато совершенно ясно, что он оказывается более плоским, рискованным и трагичным.

Сверхобщество — не будущее, а в значительной мере уже настоящее. Оно, складывается после Второй мировой войны и уже не просто сосуществует с обществами, а начинает играть доминирующую роль. Что такое сверхобщество? Оно как и все другие понятия социологии Зиновьева, является очень строгим, содержит много признаков, охватывающих все аспекты, уровни, формы жизнедеятельности человека. Об этом — вся книга. Чтобы дать хотя бы приблизительное представление читателю, я ограничусь несколькими признаками, дающими представление о мироустройстве на стадии сверхобщества.

Развитие истории переходит из естественно-исторической фазы в плано-управляемую. Сама эволюция становится сознательным актом, ее можно планировать наподобие того, как планируется какое-то сложное, масштабное дело. Но это вовсе не означает, что ход развития становится произвольным и его можно повернуть в любую сторону по желанию людей, представляющих «мозг» сверхобщества. Наоборот, мера объективности и предопределенности эволюционного процесса, его жесткости увеличивается подобно тому, например, как человек с компасом меньше будет отклоняться от направления, ведущего к цели.

На стадии сверхобщества складывается единый, глобальный человек, в отличие от предыдущих стадий, которые представляли собой множество человеческих объединений, миры человекоников, и прежде всего в отличие от стадии общества, представленного сотнями обществ, стянутых в ряд цивилизаций. По мнению Зиновьева, в настоящее время исчезли условия для возникновения новых цивилизаций, а те, что сохранились, в том числе западноевропейская, обречены на исчезновение. Они не соответствуют современным условиям жизни в масштабе человечества. «В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течение длительного времени» (с. 277).

Сверхобщество, с точки зрения Зиновьева, устанавливается как господство Запада. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу которых другие (незападные) народы и страны будут занимать подчиненное и периферийное положение.

Данное выше изложение социологии Зиновьева является общим и выборочным. Это — вводные замечания, чтобы заинтересовать читателя. Сама же эта социология требует внимательного, неспешного, вдумчивого чтения и изучения. Ведь помимо того, что Зиновьев по-своему интерпретирует едва ли не все используемые им общеупотребительные понятия государства, идеологии, власти, общества, экономики, морали, цивилизации и т. д., он еще вводит много новых понятий и терминов типа социальной комбинаторики, исторической паники, федов, одноклеточных — многоклеточных социальных объединений и т. п. Подводя итог — следует заметить, что как бы ни оценивать научное содержание книги «На пути к сверхобществу», совершенно несомненно одно: социология Зиновьева в современной отечественной и мировой науке является уникальной в том отношении, что она предлагает целостную теоретическую концепцию общества и его развития. Зиновьев развивает свою оригинальную концептуальную схему типа тех, которые предлагали Маркс, Конт, Дюркгейм, Вебер, Тойнби, Соркин, и тем самым стимулирует совсем затухающие исследования и дискуссии по теории общества. Он идет, однако, дальше и предлагает теорию, которая соединяет точность социологического (в узком, эмпирическом смысле слова) знания и широту философско-исторических обобщений, заявляя тем самым претензию на науку об обществе.

* * *

Зиновьев пишет: «Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневековья» (с. 292). Эта

враждебность в рамках логики автора вполне закономерна и, честно признаться, не должна была бы его удивлять; она является простым следствием законов социальности, по которым живут люди (или «человьи», как он их иногда остроумно называет). Возникает вопрос: оправдана ли претензия автора на научный подход, если, разумеется, отбросить предположение, что он является инопланетянином. Ведь он сам есть социальный индивид и как таковой ограничен в понимании мира как своим личным интересом, так и интересом своего человекика. Не сталкиваемся ли мы здесь с парадоксом лжеца, которому нельзя верить даже тогда, когда он утверждает, что он лжет? Один из персонажей «Зияющих высот» говорит Болтуну: «не выпендривайся, ты такое же дерьмо, как мы». Вопрос: «Почему это не так?»

А. А. Зиновьев понимает обозначенную трудность и в его работах мы находим ответ, который, по крайней мере, в формально-логическом плане позволяет ее обойти. Но, я думаю, этот ответ имеет и фактическую убедительность. Он сводится к двум пунктам. Во-первых, в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траектории поведения индивидов в человекике, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это — позиция аутсайдера, человека, который отказался (не может, не хочет) принимать участие в «крысиных» гонках. В «Зияющих высотах» уже знакомый нам Болтун рассказывает о себе такую историю. В армейской столовой «интеллигентный по виду парень» взялся делить на восемь человек одну буханку хлеба. Он отрезал один большой кусок, второй чуть поменьше, остальные как попало. Затем он воткнул нож в самый большой кусок со словами: «хватай», «...для меня, • — продолжал Болтун, — наступил момент, один из самых важных в моей жизни. Или я подчиняюсь общим законам социального бытия и постараюсь схватить кусок по возможности побольше, или я иду против этих законов, то есть не участвую в борьбе. ...я взял тот кусок, который остался лежать на столе. Самый маленький. Эта доля секунды решила всю мою последующую жизнь. Я заставил себя уклониться от борьбы» («Зияющие высоты», М., 1990. Т. 1, с. 250).

Во-вторых, деловой, а отчасти коммунальный и менталитетный аспекты деятельности социальных индивидов предполагают такие моменты, которые требуют объективных знаний, в результате чего производство научных знаний становится особой, необходимой для самосохранения общества социальной функцией. Разумеется, в ходе выполнения этой функции индивиды действуют вполне по законам расчетливого, осознанного эгоизма (кстати заметить, анализ нравов в научной среде стал одним из живых источников пессимистических социальных и антропологических обобщений Зиновьева) и поэтому здесь наряду со знаниями производится огромная масса предрассудков. Но тем не менее знания тоже производятся.

Оба обозначенных мной момента связаны между собой. Законы социальности предполагают в небольшом количестве индивидов, выключенных из борьбы, для которых сама эта выключенность оказывается своего рода социальной позицией. Это необходимо для эффективности социального организма. Типичный пример: безработица как условие эффективного хозяйствования в рамках рыночной экономики. Конкретные причины выпадения могут быть разными, одна из типичных и в рамках нашего рассуждения самых важных состоит в том, что механизм социальности вытесняет часто наиболее продвинутых, выделяющихся в сторону превышения нормы (так, например, в иных странах и в иные периоды безработных инженеров и профессоров может быть больше, чем безработных слесарей или посудомоек). Остракизм как изгнание наилучших не является специфическим фактом античной демократии, он ограничен всякой человеческой коммунальностью, только проявляется в разных формах и масштабах; в последующей истории он осуществляется чаще всего в прикрытом виде. Занятия самих выпавших (изгнанных), как правило, определяются родом деятельности в той сфере, из которой их выдавили. К производству знаний более всего приспособлены те индивиды, которые выбиты из социальной борьбы, уклонились от нее в рамках науки: они занимаются наукой,

потому что это их дело и чаще всего ни на что другое они не способны, и занимаются ею успешно, так как у них нет привходящих (социальных) интересов, искажающих истину. Для них умение понимать реальность лучше, чем другие, становится источником человеческой гордости и своего рода социальной позицией. В этом смысле вполне понятно, почему Зиновьев настойчиво подчеркивает что он — исследователь и так отчаянно борется за собственный «государственный суверенитет», дающий ему возможность говорить правду, как он ее понимает.

* * *

«Дело не в том, чтобы открыть правду о себе. На это много ума не нужно. Дело в том, как после этого жить», — читаем мы в «Зияющих высотах» (Т. 1, с. 296). Одна из парадоксальных особенностей социологии Зиновьева состоит в том, что она отвлекается от внутренней жизни человека, обходится без понятия личности, а в сознательном характере деятельности видит лишь фактор, усиливающий социальную детерминированность поведения. Тут-то и возникает вопрос: как же жить после этого? Куда девать идеалы? Ответ на него, который объективно вытекает из всей логической социологии Зиновьева и который он сам формулирует, состоит в следующем. Жизнь в идеале вовсе не лишена смысла. Она и есть истинно человеческая жизнь. Но возможна она за пределами социальности. Внутри человекника, но не по его правилам. Она возможна как исключение, редкий случай и всегда как индивидуальный героизм. Где-то у Зиновьева есть фраза: когда хотят плюнуть на законы тяготения, тогда строят самолеты. Эту формулу можно считать типовой для его нравственной позиции.

Вот цельное рассуждение А. А. Зиновьева на эту тему: «У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Но не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью и отчасти даже результатом построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода показывает, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий.

Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его самыми лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых туманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинства...

А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, самосовершенствование в духе моего идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор.» («Русский эксперимент», М., 1995, с. 122).

* * *

«Запад — Феномен западнизма» (Москва, Центрполиграф, 1995) — первая книга выдающегося социального мыслителя современности Александра Александровича Зиновьева, посвященная анализу общественного строя западных стран. До сих пор А. А. Зиновьев как социолог и писатель интересовался только Россией, советским обществом и коммунизмом, об этом — десятки его книг, в том числе и самая последняя «Русский эксперимент» (1995). И вдруг 72-летний ученый заинтересовался Западом. Почему? Тому есть очень существенная причина. Развал коммунистического блока и Советского Союза мгновенно превратил в рухлядь многие «научные» истины. И среди них — представления о роли внутренних и внешних факторов в развитии конкретных обществ и стран. В самом деле, осмысливая причины слу-

пившегося, одни говорят, что социализм рухнул сам по себе, в силу своей внутренней нежизнеспособности; другие, напротив, виной всему считают деятельность мировой закулисы. И те, и другие глубоко убеждены в своей правоте и имеют на то весомые аргументы. Но сам этот спор свидетельствует о том, что изменилась общая ситуация в мире. Сегодня внешние и внутренние факторы развития не отделены друг от друга столь определенно и отчетливо, как это было еще в начале или даже середине нашего века. Идет глобализация социальных процессов в масштабе всего человечества. Александр Зиновьев фиксирует этот процесс с одним существенным и исключительно важным дополнением: в его установлении господствующее положение занимает западный мир. Дело зашло настолько далеко, что теперь уже судьба отдельных стран, в особенности таких крупных, как Россия, вписана в контекст гегемонистских притязаний Запада на всю планету. И глобализация сводится не к горизонтальным контактам («диалог культур»), а к единой иерархии, где есть единый центр и обслуживающая его многоярусная периферия. Об этом пишет в своей книге профессор Зиновьев и пишет, как всегда, аналитично, доказательно, системно. Более того, он предлагает цельную теорию, объясняющую характер современных социальных процессов в западных странах.

То, что А. А. Зиновьев пишет о Западе, совершенно не похоже на расхожие представления о нем, бытующие в наших головах, независимо от того, являются ли эти головы «демократическими», «националистическими» или «коммунистическими». И не похоже на то, что пишут о Западе сами западные философы и политологи и другие специалисты (их автор считает, в целом, идеологами и пропагандистами, полагая, что они немногим лучше бывших советских или нынешних демократических идеологов в нашей стране).

Исследовать какой-либо объект — значит, проникнуть в его скрытую суть, за оболочку, то есть разоблачить его, разрушить поверхностные представления о нем. Применительно к обществу исследование всегда и неизбежно оборачивается критикой, преодолением предрассудков, ложных, чаще всего приукрашенных, представлений, которые люди, группы людей и общество в целом создают о самих себе. «Умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими» (стр. 8). Настоящий исследователь поэтому, как правило, бывает неугоден властям, третируем общественным мнением. Его вытесняют на задворки общественной жизни или даже вовсе изгоняют из своей страны. Так в XVI веке вынудили покинуть родину Джордано Бруно, в XVII — Томаса Гоббса, в XVIII — Жан — Жака Руссо, в XIX — Карла Маркса, в XX — Александра Зиновьева.

На Западе, а теперь и у нас, вошло в моду называть «аналитическими» или «исследовательскими» центрами учреждения, которые интеллектуально обслуживают власти. Называть так эти духовные притоны — значит совершать самое кощунственное насилие над понятиями. Когда группа профессоров обсуждает вопрос о том, как поднять рейтинг президента или удержать инфляцию, то в такого рода деятельности не больше исследования и аналитики, чем в размышлениях грабителей, думающих о том, как бесшумно очистить банк. А. А. Зиновьев исследовал советское общество и был самым глубоким его критиком. Он не был его противником, что полностью подтвердилось его отношением к перестроечным и постперестроечным делам.

Он исследует западное общество, исследует глубоко, всесторонне и именно поэтому беспощадно критикует и разоблачает его. Он — не противник западного общества. Когда говорят, что вот, мол, Зиновьев является неблагодарным, что он прожил на Западе 18 лет, пользуется благами этого общества и в то же время ругает, то в этих упреках слышится мещанское непонимание и неприятие зиновьевской позиции. В своем диагнозе западного общества А. А. Зиновьев так же мало виноват, как и врач, который находит у больного разросшуюся раковую опухоль.

«Целились в коммунизм, попали в Россию», — сказал А.А. Зиновьев несколько лет тому назад в одном из телевизионных интервью. Это фраза стала крылатой. Ее быстро «оседлали» политики и публицисты из так называемой непримиримой оппозиции, а некоторые модники слова стали практиковать буквально. Сам Зиновьев не несет ответственности за недобросовестную эксплуатацию хлесткой фразы. В отрывке «Холодная война» он показывает, что на самом деле-то и целились в Россию, коммунизм был предлогом и прикрытием. Коммунизм стал мишенью, видимой целью хорошо продуманной, глубоко эшелонированной атаки лишь постольку, поскольку он отождествлялся с Россией, был формой ее социального бытия. А сам по себе — как учение и общественный идеал, как историческая тенденция — коммунизм мало беспокоил Запад. Более того, в каких-то целях и дозах он ему даже нужен. Достаточно посмотреть, как быстро угас ажиотажный интерес и изменилась тональность западной науки и публицистики по отношению к марксизму после краха коммунизма в России в странах Восточной Европы! Или еще: в государственных, академических и иных кругах США было очень много штатных критиков коммунизма и советологов, которые консультировали борьбу против СССР. Разве они остались без работы? Разве им пришлось переучиваться? Еще одно замечание. Оно касается существенного для концепции А. А. Зиновьева термина «западнизм». Этот термин обозначает современный социальный строй стран Запада, который начал складываться после Второй мировой войны. Он происходит от слова «Запад», а не «западня». Хотя усиленная и, скорее всего, уже бесповоротная западнизация планеты для многих народов, в том числе и русского, вполне может обернуться настоящей западней. И это искренне беспокоит Александра Зиновьева. Именно она, эта мысль, стучит в его сердце. Ведь «Запад» — не просто труд выдающегося ученого. Это еще и взгляд русского человека на современный мир.

* * *

Часто мы меньше всего знаем людей известных, потому что читать и прочесть — не всегда одно и то же. Например, многие читали в начале прошлого века философский труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», впервые опубликованный в 1818 году. Однако прочитали его впервые и поняли, что Шопенгауэр есть Шопенгауэр, только через полвека. Нечто подобное происходит и с Зиновьевым: мы смотрим на него и не видим, читаем и не прочитываем. Укажу всего лишь два факта.

Со школьных лет нам твердили, что эпоха универсальных гениев-энциклопедистов прошла, настало время узких специалистов — не вообще ученых, а гуманитариев или естественников, не вообще естественников, а физиков или химиков, не вообще химиков, а химиков-органиков или неоргаников и т. д. Но вот является талант, который ярко заявляет себя в литературе, социологии, логике, изобразительном искусстве... И никто не замечает этого чуда. И все остаются при мнении, что Леонардо да Винчи и Ломоносовы остались там, в прошлом.

На наших глазах одна за другой выходят книги: «Смута» — 1994 год, «Русский эксперимент» — 1995 год, «Запад» — 1995 год, «Глобальный человек» — 1997 год. Называю только те из книг, которые написаны А. А. Зиновьевым в возрасте после 70 лет. К тому же надо учесть, что до этого он не сидел сиднем и не спал беспробудным сном, а находился в непрерывном и необычайно продуктивном творческом процессе более сорока лет, если вести отчет с кандидатской диссертации, явившейся событием в философской жизни страны. И никто этой творческой неиссякаемости, нравственной самоотверженности, этой фантастической работоспособности, наконец, не замечает, как будто речь идет о заурядном явлении, как будто наше информационное пространство не заполнено- примерами, когда вместо новых произведений

мы слышим глубокомысленные рассуждения «мэтров» о работе над ними, как будто не надо-ели глубокомудрые академики, про которых никто толком не знает, что они сделали.

Определенно: Россия еще не прочитала А. А. Зиновьева, не увидела масштаб этого чело-века. Масштаб этот, пожалуй, чувствуется только в том, как дружно, со злой молчаливостью и глухим упорством наш духовный истеблишмент отторгает Зиновьева. Здесь напрашивается аналогия с гадким утенком из известной сказки. Поистине, А. А. Зиновьев — гадкий утенок нашей культуры.

Представлять книгу «Глобальный человек», как и ее автора, также и легко и трудно. Легко, потому что она похожа на другие работы автора, в частности, как точно отмечено в предисловии редактора, на «Зияющие высоты» — с тем отличием, что «Зияющие высоты» — о советском коммунизме, а «Глобальный человек» — о Западе. Трудно, потому что другие его работы сами являются неразгаданной головоломкой.

Когда характеризуюешь какое-либо произведение, то первое и элементарное требование состоит в том, чтобы указать на его родовой признак, отнести к какому-либо жанру. Применительно к «Глобальному человеку» это сделать крайне трудно. С жанрами в русской литературе всегда были сложности. Л. Н. Толстой, говоря о «Войне и мире», предостерегал от того, чтобы сие творение называть романом. Он полагал, что ни одно значительное произведение русской литературы XIX века не выдерживает жанровой специфики. В самом деле, ведь не из-за желанья оригинальничать назвали Пушкин «Евгения Онегина» романом, а Гоголь «Мерт-вые души» — поэмой! В особенности жанровое «хулиганство» сказалось в русской поэзии, едва ли не все блестящие успехи которой достигнуты при полном игнорировании традицион-ных канонов. Но все-таки жанровая неопределенность не выходила за рамки художественной литературы. Зиновьев пошел дальше и придумал этой путанице качественно новый вид, в резуль-тате чего уже мы не можем сказать, относятся ли его произведения к литературе художествен-ной или научной. Он создал новый жанр социологического романа. Этот жанр можно было бы назвать также художественной социологией. В «Глобальном человеке» грань между науч-но-социологическим трактатом и литературно-художественным произведением крайне услов-на, одно легко и незаметно переходит в другое, в результате чего мы имеем и полновесный, стопроцентный роман, и полновесное, стопроцентное научное исследование. Как такое полу-чается — непонятно.

Это и есть Зиновьев. Он — весь на ладони и одновременно непонятен. И особенно тогда непонятен, когда тебе кажется, что ты его уже понял.

Не меньше трудностей доставляет и содержательная характеристика, оценка «Глобально-го человека». Насколько неопределенными были в прошлом жанровые границы лучших образцов русской литературы, настолько же четкими были в них разграничительные ли-нии между добром и злом. Даже у парадоксалиста Достоевского Алеша Карамазов есть Але-ша Карамазов, а Смердяков есть Смердяков. И как говорится, вместе им никогда не сойтись. В произведениях Зиновьева грань, отделяющая добро от зла, является тонкой, если не отсутст-вует вовсе. У него одно неотличимо сливается с другим. Сказать про его героев, кто добрый, а кто злой, кто положительный, а кто отрицательный, где Пьер Безухов, а где Анатолий Кура-гин, — невозможно. Он видит жизнь и людей таким образом, что лучшее у него вдруг оказы-вается худшим, а худшее — лучшим. В этом смысле Александр Александрович Зиновьев несо-мненно открывает новую эпоху в русской литературе. Надо заметить, что он — не единствен-ный. Одновременно с ним постморалистический прорыв сделал другой замечательный писа-тель Венедикт Ерофеев своим произведением «Москва — Петушки».

Читая Зиновьева, нельзя понять, где он беспощадно издевается, а где строго анализирует. Его произведения — это и сатира и исследование одновременно. К примеру, он говорит: «Человек есть на все способная тварь». Наше ухо сразу фиксирует: это — уничтожительная характеристика человека. Тварь уважать нельзя, в особенности если от нее можно ждать все, что угодно. А теперь давайте еще раз вчитаемся и вдумаемся в эту фразу и отвлечемся от нашего восприятия. Вспомним, что «тварь» — лишь старинное слово, обозначающее творение, вникнем, что «быть способным на все» — значит, обладать ничем не скованной способностью к творчеству. Давайте вникнем в прямой смысл предложения: «Человек есть на все способная тварь». Согласитесь: здесь все точно. Поразительная оборачиваемость аналитики и сатиры, суждения и осуждения в «Глобальном человејнике» обнаруживается, пожалуй, более органично, чем в других произведениях Зиновьева. Само название «Глобальный человејник» сразу вызывает ассоциацию с муравейником. Ассоциация усиливается, когда автор именує субъектов общества на стадии глобального человејника человејями. Казалось бы — чистая сатира, форменное издевательство. Но не тут-то было. При более вдумчивом чтении обнаруживается, что это название инспирировано также научным пониманием общества, которое представляет собой органическое целое и не только не является суммой или совокупностью индивидов, но в своем истинном содержании сверхиндивидуального образования может быть правильно понято только в том случае, если вообще отвлечься от деятельности индивидов как свободных и разумных существ, т. е. если смотреть на них, как на муравьев, а на их массу, как на муравейник. Зиновьев смотрит на людей и гневным взором моралиста, и беспристрастным взглядом зоолога.

Одна из страшных особенностей общества будущего, выкроенного по западным образцам и названного Зиновьевым глобальным человејником, состоит в том, что оно является искусственным. Все в нем рационально рассчитано, спроектировано, сведено к научно-техническим параметрам, до скуки упорядочено и предсказуемо. Люди сливаются с роботами до неузнаваемости. Здесь все не просто машинообразно, а заменено машинами — биотехнические любовники, роботы-воспитатели, компьютерные души и т. д. У главного героя, которого зовут Ал, есть робот-двойник, которого зовут Ла. Словом, сплошной ужас.

И вдруг мы узнаем, что на эту искусственность можно и даже должно взглянуть с другой стороны, в результате чего она выглядит выдающимся достижением человечества. В ответ на тоску главного героя по подлинности, естественности его коллега, любовница и самая умная собеседница Ро говорит: «В чем ты видишь разницу между естественным и искусственным? Все человеческое искусственно. Когда наш предок впервые взял в руки палку или камень, он встал на путь искусственности. В его природе это не было предусмотрено как нечто естественное. И вместе с тем все то, что человечество изобрело искусственного, было достигнуто в рамках все той же природы, в соответствии с теми же ее законами».

Книга «Глобальный человејник» — художественное по форме и научное по существу произведение о Западе в наиболее специфичных его чертах, образующих западную цивилизацию. Автор рисует картину будущего Запада, которая является слепком с настоящего. Он показывает, что будет с обществом, построенным по чертежам западной цивилизации, когда Запад до конца развернет свою сущность и получит безраздельную гегемонию над миром. Зиновьев-писатель и Зиновьев-ученый говорит людям и у нас и на Западе: смотрите, что будет, если все будет развиваться так, как развивается сейчас. Вот вам картина такого будущего, и это не утопия, не вымысел. Это точный прогноз, потому что все это **уже есть**. Смотрите и решайте: хотите вы этого или нет.